

Сила есть – ума не надо

Геракл сидел на уступе скалы, стиснув голову руками. Солнце светило прямо в очи, но в душе был мрак.

– Ну, на что мне эта глупая голова? – взвыл несчастный герой. Горы ответили эхом: «Лова, лова, ва, ва», сверху посыпались камни, но Геракл и с места не сдвинулся. – Вот и пусть лава разможит ее, как я крушил вчера моих закадычных друзей – кентавров. Кому нужна пустая голова, не способная управлять руками и глупым хвастливым языком.

В бессильной тоске по навек утраченным друзьям Геракл принялся биться головой о выступ скалы. Если бы он знал, что вчерашнее побоище имело еще более горестные последствия, чем гибель пары-тройки кентавров – точно бросился бы со скалы в пропасть.

А начиналось все так славно. Благородный кентавр Фол, сын Силена и наяды, позвал своего

давнего друга Геракла на семейное торжество, столь удачно совпавшее с окончанием затмения. Все радовались возвращению на небо Светил, и Геракл притащил по этому случаю тушу хряка, подстреленного по дороге в гости. У Геракла был и личный повод для праздника: немало побегав по горам, он настиг, наконец, Эрманфского вепря. Более того, зверя удалось доставить в Микены живым, как того и требовали условия испытания. Теперь можно было и отдохнуть.

Над огнем кострища шипела, истекая соком, туша хряка, не столь громадного, как дикий вепрь, зато жирного и аппетитного. Тостам не было числа, особенно после того, как кто-то принес счастливую весть о Вакхе, обретшем новое рождение, говорят, где-то неподалеку, во Фракии. Когда бурдюки с дарами Силена, друга Вакха, опустели, как-то сам собой возник спор, а не мнимая ли это была смерть. Действительно ли Вакх погиб на горе богов, чтобы возродиться в глуши, на негостеприимной земле Фракии, где чужеземцев скармливают коньям-людоедам, а богов, кроме Ареса, и не видывали?

– Виданное ли дело, чтобы боги убили бога, да еще на Священной горе – недоумевал рассудительный Фол. – Даже когда нечестивые лапифы изгоняли наших предков с их

исконных пастбищ на горе Пелион, ни у кого из кентавров копыто не поднялось, чтобы убить брата.

– Глупости все это, нелепые байки стихоплетов да бродяг, – сказал, как отрезал, Геракл, вытирая жирные пальцы о спину сидящего рядом кентавра. – Не бывает такого, чтобы бог умер! – Взяв с блюда баранью ногу, Геракл ткнул ею в лоб сидящего напротив молодого кентавра. – Вот если я тресну тебя со всей силы по лбу, ты точно помрешь, – пошутил он, – и скачи, хоть до Фракии, хоть до самой Меры, никто там тебя не оживит, потому что ты смертный, что бы там ни ввали про родство ваше с волоокой Герой.

– Ну, где уж нам, – хихикнул кентавр. – Это ты у нас молоком Геры вскормлен! Кто этого не знает?!

Компания кентавров дружно заржала, а Геракл вспыхнул до корней волос, поскольку все действительно знали, что Гера еще младенцем вышвырнула его с Олимпа, едва его приложили к ее груди.

– Зато ваш прародитель, похотливый Иксион, оплодотворил облако, приняв его за Геру, – неуклюже парировал Геракл. – А еще он прославился тем, что первым из смертных убил себе подобного. И не спорьте, мне сам Хирон рассказывал, – набычился Геракл, хотя никто

и не собирався с ним спорить. – Так что, нечего корчить из себя миротворцев. Сами положили начало дурной традиции. Это тоже Хирон сказал!

– А Хирон не говорил тебе, что надо быть пожебливее в гостях? – раздраженно бросил Фол.

– Что ему Хирон, когда у него в начальниках сама Гера? – насмешливо заржал рыжий кентавр, ничуть не опасаясь, что сидит по правую руку от героя, который с левой бьет даже лучше, чем с правой. – Рад, что ты сдружился, наконец, с мачехой. А уж как старался! В угоду ей благородное имя Алкид, что означает «сильный», на Геракла сменил.

Почувствовав поддержку старших, молодой кентавр, сидевший по левую руку, небрежно вытер пальцы о край Геракловой рубахи, и без того сильно засаленной, а тот, что сидел напротив, сказал, нагло ухмыляясь:

– Я, может, до Меру и не доскачу, особенно если ты меня убьешь, а тебя Гера с неба скинула, когда ты еще сиську сосал, и с тех пор на порог не пускает, сколько бы ты ни выслуживался. Тут и Хирона спрашивать не надо, это каждый знает.

Не ожидавший такого поворота, Геракл поначалу опешил, но этот поток оскорблений невозможно было стерпеть, особенно потому, что в них была доля правды. Дав крюка с

правой, чтобы юркий сосед, который всех подначивал, не мешал, Геракл схватил со стола массивное блюдо с остатками жаркого и обрушил его на голову наглеца, сидевшего напротив. Куски мяса полетели в разные стороны, попадая, кому в лоб, а кому и прямо в хохочущий рот, а блюдо повисло на шее кентавра бронзовым воротником. Тем временем тот, что упал, пребольно укусил Геракла за ногу.

Кентавры заржали, забили копытами, пытаясь прекратить нелепую ссору, стремительно перерастающую в драку. Хозяин дома повис на руках у Геракла, но тот оттолкнул его головой и, ухватившись за вертел, принялся размахивать тушей хряка, как дубиной. Жир и сок текли по голым рукам, но Геракл этого не замечал.

Что было дальше, вряд ли кто-нибудь вспомнит. Кентавры – потому что не принято вспоминать о поражениях, а Геракл – потому что в голове у него помутилось, а глаза застлала кроваво-серая пелена, как в тот злосчастный день, когда он перебил – неизвестно по какой причине – всех своих детей и племянников.

Теперь, сидя на этой голой скале, он силился припомнить, как на ней оказался, и куда подевались кентавры.

– Ну, ясно дело, те, что выжили, разбежались, но почему перед глазами стоит Хирон, ведь его-то с ними не было? – Голова гудела, словно закипающий котел, и почему-то болели ладони. Геракл разжал кулаки и обнаружил, что кожа не просто содрана, а сожжена до кровавых волдырей. Боль пробудила память, и перед глазами стали вспыхивать картины, одна чудовищней другой.

Вот он мечется по пещере, размахивая жареным хряком, но прыткие кентавры уворачиваются и ржут, как бешеные, и даже норовят лягнуть и укусить. Тогда он хватает из костра горящие поленья и принимается лупить всех подряд. Самые умные понимают, что дело плохо, и пытаются удрать. С дымящейся головой Геракл кидается следом. Кентавры находят приют в пещере Хирона. Он – туда!

– Горе, горе мне, неблагодарному и нечестивому, – зарыдал безутешный Геракл, осознав, что он наделал. Мало того, что я ворвался, как дикарь, в дом Учителя, так еще и бил безоружных кентавров прямо у него на глазах. Стыд и позор! Ведь они же ему родня. Как бы узнать, выжил ли кто? Еще хорошо, что под руку попались безобидные головешки, а то в колчане-то у меня отравленные стрелы. Целых две дюжины! Вспомни я о них в пылу боя, славному племени кентавров пришел бы конец.

Геракл потянулся за колчаном, чтобы пересчитать стрелы. Пересчитывал дважды, и каждый раз выходило, что одной не хватает.

– Дурья моя башка! Две дюжины скласть не может, чтобы не сбиться. Зря Хирон время на меня тратил! – продолжал терзаться несчастный герой. – Счет, и то не освоил, не говоря уж о правилах поведения и этих... как их... нормах моральности и нравственности. Забыл даже, как называются все эти хитрые правила, занудные и практически невыполнимые. Там еще, помнится, ритуал был, под названием Покаяние. Это когда приходишь, смилив гордыню, к тому, кого обидел, и становишься перед ним на колени. Может, бухнуться перед Хироном на колени? Или перед кентаврами? А как их соберешь теперь, они ведь от меня шарахаться будут, если вообще покажутся на глаза. А, кроме того, Хирон советовал никогда и ни перед кем на колени не становиться. Что-то не сходится. Видать, я главное пропустил. Все норovil с уроков удрать, чтобы с теми же кентаврами по горам поскакать вволю. Вот и доскакался. А что, если, пересилив стыд, попросить Хирона подлечить покалеченных кентавров. Заодно и узнаю, выжил ли кто. Дурак набитый! – снова стукнул себя кулаком по лбу Геракл. – Можно подумать, Хирон, лучший в

мире целитель, без меня не догадается помочь родичам. Дрались-то мы у него на глазах.

Неприятная горечь во рту, донимавшая с утра, помогла Гераклу вспомнить, что и его самого Хирон отпаивал вчера каким-то пахучим настоем, действительно горьким, хуже белены. Потом он оказался на тюфяке, набитом душистым сеном, под темным пологом с прорезью вместо окошка. Прежде чем отойти ко сну, Геракл выглянул в щелку. Кентавры выстроились в очередь, а Хирон суетился над ними, кому делал примочки, а кому прилаживал шины на перебитые конечности. Мелькнула мысль, что надо бы помочь Учителю, однако горькое снадобье сделало свое дело, и он провалился в сон.

И вот теперь герой, победивший Эриманфское чудовище, сидит, одинокий, на уступе скалы, не зная, как сюда попал, и не продолжение ли это ночного кошмара. Заснув под треск лучины, отгороженный от всего мира пологом, Геракл всю ночь гонялся по горам за вепрем, однако, едва достигал его, тот превращался, либо в коня-людоеда, либо в кентавра с горящей головешкой вместо головы, а кругом хохотали жареные головы хряков.

Доказательством тому, что все остальное не сон, были волдыри на руках и вконец испорченная одежда. Геракл тупо уставился на

прожженную во многих местах рубаху, пахнущую кровью и дымом. И вновь его охватил приступ раскаяния.

– Чем я лучше дикого зверя? Глупый вепрь перепутал желуди и корни с человеческой плотью, а я перепутал друзей и врагов. Нет у меня больше задушевных дружков на этих склонах, и не будет никогда. Так мне и надо!

И могучий детина заплакал, как плачут дети, растирая слезы грязными кулаками.

Если друг оказался вдруг...

Так и не решившись пойти к Учителю, чтобы попросить прощения, Геракл с тоской взирал на горные кручи, по которым еще недавно бегал без тревог и забот, гоняясь за вепремлюдоедом.

– Кто это там скачет с утеса на утес, словно горный козел? Неужели кентавр? Значит, не всех покroшил, кое-кто оправился после вчерашнего! – Геракл привстал, пытаясь рассмотреть, кто несется по кручам, перепрыгивая через пропасти расщелин. – Нет, не кентавр. Кентавры, конечно, бывают белогривыми, но на этом, похоже, белый хитон. И на голове шлем поблескивает. Походкой и статью на Палланта схож. Но с чего это он так вырядился? И куда торопится? Милостивые боги, вы простили мое безумство?! – воскликнул Геракл, не смея верить глазам своим. – Сижую, горюю, что нет у меня больше друзей-товарищей, а тут

старый друг Паллант объявился. А я-то думал, что он сложил где-то свою буйную головушку! А он – весь в белом, при шлеме боевом! Похоже, кого-то знатного ограбил!

Не успел Геракл опомниться, как Паллант оказался рядом. Геракл ошарашено таращился на друга, даже назад отступил. Паллант, или не Паллант? Сказать, что его друг был на себя не похож – ничего не сказать! Отсвечивал яркими бликами крутобокий щит, всегда босые ноги были обуты в сандалии с крылышками, как у богов, а серебряный шлем, сияя на солнце, создавал вокруг головы лучезарный нимб. Все это блистательное великолепие до боли слепило глаза, и Геракл, как ни силился, не мог разглядеть лица друга. И все-таки это был Паллант.

– Куда это ты так вырядился? – брякнул, вместо приветствия, Геракл.

– Услышал твои вопли с соседней горы, дай думаю, узнаю, кого опять уколошил наш герой? – расхохотался Паллант.

– Ладно тебе, издеваться-то! – Геракл шагнул вперед, готовый обнять друга, однако тот, безглаголиво отстранившись, сказал нечто совсем несуразное:

– Тебе бы помыться не мешало. Весь в грязище, в крови, будто не ты вепря, а вепрь тебя закатал.

– Ты чего, замараться об меня боишься? – обиженно опустил руки Геракл. – Я бы тоже мог чистой работой заняться. Кикн, вон, паломников грабит, сам, говорят, стал почти, как Аполлон, а меня Оракул обязал подвиги совершать. А подвиги эти – один грязнее другого, то невинную лань подстрелишь, то за ведем по горам день-деньской носишься, сам при этом дичаешь. А тут еще конюшни чистить посылают!

Детская обида в глазах незадачливого героя заставил Афины Палладу пожалеть, что, проявив в себе Палланта, она оставила свою обычную одежду богини, полагая, что Геракл, в горе своем, не заметит этого. Пригасив, насколько возможно, сияние своих доспехов, Афина Паллада смущенно поправила короткую тогу, отчего та заметно посерела и удлинилась.

– Я, видишь ли, в один знатный дом приглашен, вот и приделся, но, услышав, как ты рвешь, решил помочь. Я ведь и сам не раз попадал в беду, – примирительно молвила она голосом Палланта.

Геракла очень огорчил сухой тон, раньше немислимый для Палланта, а главное – нежелание обняться со старым другом. Хотя и правда, одеждам, которые раздобыл где-то Паллант, позавидуют сами боги, и пачкать их зря не стоит.

– Да я-то, что... – уныло пробормотал Геракл, отводя глаза, уставшие от блеска друга.
– В беду попали кентавры.

– Кентавры сами напросились, – небрежно бросил Паллант.

– А что, все уже знают, что я их вчера покрошил? – вскинул брови Геракл. – Но они, ты прав, сами задирались, а мелкий просто напрашивался, так что зря говорят...

– Тебя беспокоит общественное мнение? – расхохотался громовым смехом Паллант и, отсмеявшись, обратился к другу с еще более нелепым, если не сказать, бессмысленным вопросом. – У тебя график подвигов плотно расписан?

Геракл не знал, что и сказать. Странность речей друга поразила его еще больше, чем невиданная роскошь одежд. «Похоже, с Паллантом тоже не все ладно, – сочувственно подумал он. – Украл где-то богатую одёжу, а с ней, видать, и частичку чужой души прихватил... и тут прав Хирон – воровать большой грех! В голове у бедняги полный кавардак случился! Какое-то обче... мне... обчумление во мне углядел, график какой-то, кем-то разрисованный. Не то я окончательно отупел, не то он поумнел сверх меры».

И тут Геракла осенило. Он понял, что речь идет об искупительных испытаниях, назна-

ченных ему оракулом за убийство детей и племянников.

– Если ты о заданиях, что дает мне Эврисфей, так я и со счету сбился. Как не придешь в Микены – новый приказ. Дельфийский оракул назначил мне десять испытаний, это я точно помню, – по подвигу за каждого ребенка, – но этот скряга Эврисфей то одно не зачтет, то другое добавит. Да ладно, я не ропщу, задания-то все пустяковые. Грязные, но не трудные. На днях вот скотный двор пойду чистить, потом на Крит смотаюсь, там бык Посейдонов шалит, а еще коней Диомеда умирять придется. На людей нападать стали. Диомед их к человеческому мясу приохотил... вот дурак! Конь такое благородное животное, негоже его в людоеда превращать.

Паллант, похоже, не слушал своего друга. Его сияние, правда, немного поугасло, но в мыслях он был где-то далеко, хотя и стоял на расстоянии вытянутой руки.

– Вот и славно, – донеслось до Геракла, будто из-под облаков. – Одним путешествием больше, одним меньше... раз встал на путь геройства, назад дороги нет. Тебе, друг, предстоит отправиться на Кавказ, где ждет твоей помощи Прометей...

Паллант говорил не своим голосом, но его замысловатые речи и странности в поведении

не смущали больше Геракла. Он смекнул, что друг его выполняет задание богов, они, должно быть, и снабдили его чистой одеждой. Обычно то Паллант бродит по горам в рванье похуже, чем у Геракла. Потому что в горах, особенно, если ты охотник, и днем носишься за зверьем, а ночь проводишь у костра в пещере, самая прочная шкура со временем превращается в лохмотья. А тога, в какой красуется сейчас Паллант, вмиг истрепалась бы. А эта даже не запачкалась! Да еще и с золотой каймой! Какой дурак наденет в горы рубаху с золотой каймой? Догадка требовала проверки.

– Ты шутишь, Паллант?! – воскликнул Геракл, точно зная, что Паллант шутить не умеет. – Как я найду дорогу к Прометею, да и кто меня туда пустит?! Я ж говорил тебе – Оракул обязал меня служить Эврисфею, и задания я получаю через него.

– А твое имя не подсказывает тебе, дружище, что ты служишь еще и Гере? – насмешливо молвил Паллант – И, надеюсь, Зевсу тоже, – добавил он властным тоном. – Решение освободить Прометея они приняли вместе. И тебе предстоит выполнить его. А чтобы не заплутать по дороге, и не попасть на Кавказе в очередную передрагу, возьми с собой Хирона. Не оставлять же старика в беде. Да ты и сам плох. Покажи-ка ладони.

Геракл послушно протянул руки ладонями вверх, как показывал когда-то матери Алкмене после обеда – что не утащил со стола кусок для собаки или друга. Глаза Палланта вспыхнули огнем, но взгляд был не обжигающий, а мягкий и врачующий. Раны моментально затянулись, а кожа стала чистой и белой, какой не бывала, пожалуй, с тех детских лет, когда положено было мыть руки перед едой.

Тут до Геракла начало доходить, что перед ним вовсе не Паллант, посланный ему богами на подмогу, а возможно, сам бог. Но прежде, чем он успел что-то сказать, гость в лучезарных одеяниях растаял в воздухе.

Озадаченный внезапным озарением, а еще больше – странным напутствием, Геракл долго еще всматривался в пустоту, склонив голову набок, как смотрят собаки, обнаружив перед собой незнакомый или подозрительный предмет. Однако в знойном мареве полдня не осталось и намека на силуэт пришельца.

– Замстило! – Геракл, что было сил, стукнул себя кулаком по лбу. На этот раз удар не отозвался болью в ладонях, не было и громадной шишки на лбу как напоминания о битве с кентаврами. – Совсем пустая башка, – неуверенно обругал себя герой. – Ее бьешь, а ей и не больно! Ладно бы еще соображала при этом.

И тут Геракл вспомнил, что уже видел и этот сияющий шлем, и эту эгиду.

– Да то ж была Афина! – вырвалось у него. – Она ведь мне уже помогала, когда я шел на Лернейскую гидру. Правда, тогда явилась в облике девы-воительницы, но в таком же блестящем шлеме, и смотреть тоже больно было. Я, помнится, тогда маленько заробел, а она осмотрела так деловито мою дубину и говорит, «тебе еще и медным оружием заpastись надо». Да, без медного меча, так ловко отсекающего головы, я бы точно не справился. Крепко она мне тогда подсобила! А сейчас Паллантом прикинулась, чтобы меня не напугать. Хирон всегда говорил, что боги милостивы, а я, дурак, не верил. Но для чего Афине понадобилось посылать меня к Прометею? Зачем мне Прометей, а тем более – я ему? Зевс с Герой, говорит, так решили. Сами посадили, пусть сами и освобождают, а меня Прометей, может, и на порог не пустит. Пришел, скажет, какой-то бродяга, наверняка обворовать хочет. Ведь Прометей, говорят, на цепи сидит. Выноси, что хочешь, догнать-то он не сможет. Ну, и дурак же я! – хлопнул себя по лбу Геракл. – Так Афина потому и Хирона велела с собой взять, чтобы тот объяснил сидельцу, что я с добром пришел. Но зачем она приплела, что Хирон в беде? В какую он может попасть беду,

с его-то мозгами, а кроме того – он ведь бессмертный! Вот кентавры, те, и правда, в беде, а Хирон... ну и дубина же я стоеросовая! Мне ясно сказано, что Хирон нуждается в помощи, да еще и Прометей на мне, а я тут сижу, сам с собой разговариваю, как полоумный, – и Геракл семимильными прыжками помчался в гору.

Врачу – исцелися сам!

Хирон который час пытался приготовить противоядие. Стрела, выпавшая из колчана, когда кентавр укладывал разбуянившегося героя спать, вонзилась прямо в ногу чуть выше копыта. Поначалу Хирон даже боли не почувствовал и, выдернув стрелу, прижег ранку и продолжил лечить беспокойных ночных гостей. Пока кентавр врачевал раны своих родичей и провожал их к сернистым источникам, было вовсе не до пустяковой царапины, которая чуть саднила, однако, вернувшись, он обнаружил, что дело плохо. Пошли круговые пятна, нога онемела. Примочки не помогали, а прижигание вообще малоэффективно при отравлениях. Яд отравил кровь, и срочно требовалось переливание. А разве найдешь теперь кровь Крона без преобладания человеческой составляющей?

Шло время, противоядия подобрать не удавалось. Кожа обрела синюшный оттенок,

появилась отечность, что было плохим симптомом. Кентавр Хирон по праву считался великим целителем. Ему доводилось излечивать укушенных змеями и скорпионами, отравленных соком ядовитых растений, случалось возвращать к жизни и тех, что перестаравшись, принял лечебных снадобий сверх меры. И вот, как в насмешку, он сам получил травму практически несовместимую с жизнью. Дело осложнялось тем, что, будучи сыном титана Крона, Хирон обладал бессмертием, а значит, муки его отныне будут вечными.

Спросить бы Геракла, каким ядом он напичкал стрелы, возможно, удалось бы выделить сыворотку, а потом и противоядие приготовить. Но Хирон, жалея своего любимца, не стал говорить о нечаянной травме, чтобы не усугублять вину совсем сникшего героя. Кроме того, простак Геракл вряд ли помнит, чем он обработал стрелы. Поднявшись ни свет, ни заря, бедняга пробормотал, пряча глаза: «пойду, пожалуй. Все равно, проку от меня, что от козла молока» и поспешно покинул пещеру.

– Где его сейчас носит на горе себе и другим? – горестно вздохнул Хирон. – А может, забился в какую-нибудь нору и воет от стыда и раскаяния. Говорят, Прометей на Кавказе заметно продвинулся в лечении болезней, считающихся в земных условиях неизлечимыми. Он и раньше,